Текст · 3 ноября 2022, 08:20
Евгений Малышев,

«Следователи уверяли, что я сяду». Рассказывает фигурант единственного (и уже закрытого) дела об уклонении от мобилизации

В конце сентября СК возбудил первое в России уголовное дело по статье об уклонении от мобилизации. Обвиняемым стал 32-летний житель Пензенской области Максим Моисеев — бывший водитель скорой помощи и отец двоих детей, отказавшийся брать повестку и идти в военкомат. Мужчину два дня продержали в ИВС, но, как и прогнозировали правозащитники, расследование вскоре прекратилось: прокуратура признала решение о возбуждении дела незаконным, а главу областного управления СК привлекли к дисциплинарной ответственности. «Медиазона» поговорила с Моисеевым о многочасовых допросах, угрозах следователей и возвращении к семье.

Повестка

В тот день, когда принесли повестку [23 сентября], я был на работе до самого позднего вечера. Мы устанавливали ограды, лавочки и столы на кладбищах. Где-то в обед мне позвонила жена: «Тебе принесли повестку». Когда уже приехал, гляжу — там ошибка[1] в дате рождения. Неверно указан год.

Поэтому я решил, что ни в какой военкомат не пойду. Тем более я за нее не расписывался.

26-го числа к нам снова приходят. Я уже дома был, но выходить к ним сначала не стал. Участковый звонит: «Выйди, пожалуйста. Тебе повестка». Я ему говорю: «На фронт не пойду». Он сразу начал: «А почему? А что такого?».

Ну как что такого? У меня вообще-то двое детей, работа налаженная, четыре машины, за которыми я сам слежу. Если я сейчас все брошу и пойду умирать неизвестно за что, весь бизнес развалится. Такие простые, блин!

Участковый уехал, и после этого начали уже названивать следователи, чтобы я явился к ним к трем часам. Я ответил, что не приеду.

Вечером они сами заявились. Жена им сначала отказывалась открывать дверь. Так они включили свои синие [проблесковые] маячки на машине и сигналку. На все село: кря-кря, кря-кря — она же громкая у них. Дети испугались, плачут. Даже старший [сын], девять лет, в слезы дался.

В итоге открыли дверь. Первым рубежом была теща, она начала им что-то доказывать, они в итоге развернулись и уехали. Даже не стали слушать ее.

И я подумал: нехер тут больше делать, надо собирать семью и уезжать в деревню[2].

Я размышлял так: у меня семья, маленькие дети, жена беременная — я у них один. И у матери своей я тоже единственный сын. Моя жена без отца выросла, и я не хочу, чтобы мои дети без отца росли. Оттуда если и

возвращаются, то инвалидами. А стать инвалидом в 30 лет как-то не очень хочется. Да и за что?

В итоге мы уехали к теще — там красиво. Глушь, лес, свой пруд. Руки до бани наконец-то дошли: полтора года некогда было отремонтировать, а тут все наладил.

В Ахлебиновке мы жили целую неделю. И все это время следователи названивали нам, требовали явиться к ним на допрос. В том числе жену вызывали, потому что она якобы меня скрывает. Мы говорим: «Присылайте повестку по почте или приезжайте сами». Но повестка так и не приходила.

А потом уже стали звонить знакомые из Кондоля. «Твоя рожа, — говорят, — висит на каждом углу. Тебя разыскивают».

Задержание

В понедельник, 3 октября, я пошел истопить баню. Закинул дров, полез на крышу за веником. Смотрю в окно — шесть человек заходят во двор, все в камуфляже, с автоматами. Ни фига себе, думаю, вот это я преступник!

Пока сообразил, что к чему, они уже на второй этаж поднимаются, с пистолетом. Тычат в меня им: спускайся.

Хотел у них спросить: что такого я сделал-то? А они кричат: «Руки покажи!». Показал им руки, что оружия у меня нет. Один из них убрал пистолет, подошел меня скручивать. Я сначала руки ему не стал

подставлять, говорю: «Зачем цирк-то устраивать? Я спокойно сам выйду».

Тут к нему сразу второй подлетел, завалили меня, заластали руки за спину и связали их моей же веревкой, которой я веники кручу. Наручники уже в машине надели.

Пока ехали до отдела СК, они на полном серьезе меня спрашивали: «Почему ты не идешь воевать? Как так?». Я говорю: «Блядь, ну это у вас такая служба, ребят. Вы и идите. Вы все вон в масках, никто лица не показывает. Шесть головорезов — кабаны в два раза больше меня — влетели в дом, не представились, не объяснили ничего, никаких бумажек не показали».

Спрашивал их: «Вы сами-то там [на фронте] были?». Они говорят: «Были». И на этом разговор как-то резко закончился. А я бы вот сейчас спросил у них: «И че, понравилось?».

Я не понимаю, зачем вообще объявляли мобилизацию, когда омоновцев полно, специально обученных людей? А вместо них пацанов отправляют.

Первый допрос

Приехали на Лунную, 5[3]. Там они сдали меня следакам, и те с 20 часов до полуночи рассказывали байки про то, что мне светит 10 лет и тому подобное. Я так понял, они давали мне шанс все переосмыслить и добровольно пойти в армию. В духе: неужели тебе легче отсидеть, чем отслужить?

Когда мы заходили, к нам вышел старший следователь, Рустам Усманович. Подполковник, по-моему. Говорит:

— Если ты не будешь препятствовать следствию, все пройдет гладко.

— А если буду препятствовать?

— Все будет по максималке.

Ну, и я решил им не препятствовать. Рассказывал все как есть. Мы хорошо с ними общались: выходили на улицу, они курить мне давали, чай наливали.

Фото: личный архив Марии Моисеевой

Следователей в кабинете было трое. Один — непричастный, он просто сидел и слушал. А допрос вели [Дмитрий] Мамедов и [Валерий] Голушко. Интересовались, когда принесли повестку, почему я отказался ее получать, зачем уехал к теще скрываться. Я говорю: «Я не скрывался, ребят. Если бы я захотел прятаться, я бы остался в Кондоле, и меня бы никто не нашел. А я просто взял свою семью и уехал от этого сумасшествия».

Это на самом деле так и было. Я ни от кого не прятался, продолжал ездить на работу, отвечал на телефонные звонки. Среди недели, в четверг [29 сентября], кажется, я на машине ехал — знакомый мент стоял на дороге, мы с ним поздоровались как обычно, никаких вопросов ко мне не было. Я здесь, в Кондоле, всех знаю. И они меня прекрасно знают, потому что я работаю в ритуалке, приезжаю к ним те же справки [о смерти] получать.

В общем, я им рассказал все, что думаю. Мы даже о политике поговорить успели. Мой адвокат [назначенный адвокат Игорь Кабанов] напомнил слова Лебедя: «Дайте мне роту элиты, и война кончится через неделю». Я сначала не понял, спрашиваю, что за элита: ВДВ или спецназ? А адвокат говорит: «Нет, это дети депутатов». Я говорю: «Ну, точно!».

ИВС

В 12 ночи привезли меня в изолятор временного содержания на улице Злобина. Четыре стены и дощатая шконка с матрасом. Я съел еще две сигаретины и почти сразу вырубился.

Усталость была не физическая, а моральная. Потому что четыре часа на меня давили, давили. И я начал думать даже о том, что, может быть, надо было все-таки уйти [в армию]. Потому что они запугали меня вот этими «10 лет сидки». Я понял, что в четырех стенах просто не смогу выдержать — крыша поедет. Там вообще жестко. Хоть бы работу давали какую... Хоть бы подметать. А там просто сидишь и ни хрена не делаешь.

Утром в шесть подъем. Принесли баланду — манная каша, сваренная на воде. Без соли, без сахара. Просто манка и вода, в рот не лезет. А у меня еще и желудок слабый — язва. Поэтому пришлось только чай пить, он там более-менее. Считай, два дня только на одном чае и жил. Вечером приходил — макароны с водой. Тоже без соли, без сахара.

Я поражаюсь: как так-то, блядь? Неужели на тюрьму ничего не выделяется: ни соль, ни сахар? Когда мне чай принесли, там дают две ложки [сахара] на кружку. А я люблю послаще. Попросил еще ложку, мне говорят: «Нет, у нас каждая ложка под счет».

Медкомиссия

Утром после завтрака поехали в военкомат, на прохождение медкомиссии. И вот там я уже пообщался с психологом. Это был просто цирк.

Он типа: «А чего ты так не хочешь уходить [в армию]?». Ну, я ему начал объяснять это все, почему и зачем. Что это ни фига не наше дело, что это политики все размусолили и придумали.

После этого психолог к ментам повернулся: «Да он адекватный! Что с ним разговаривать?». И р-р-раз — ставит штампик «Здоровый».

Я говорю: «Блин, нормально». Этому психологу похую на меня было.

Ухо, горло, нос — тоже все заебись.

Пришел к терапевту, говорю:

— У меня язва.

— Бумаги есть какие-нибудь?

— Да какие, блядь, бумаги? Меня схватили в бане!

— А как доказать можете?

Хорошо, что супруга дома была: выслала фотографии моей язвы, которые сделали летом во время обследования. Терапевт посмотрела — не поверила. Говорит: «Поедешь завтра утром лампочку глотать[4]».

На следующее утро повезли в больницу глотать лампочку, потом — прием у гастроэнтеролога. Он результаты посмотрел, там все подтвердилось. Говорит: «Я назначу вам лечение». Тут следователь смеется: «Мне лечение не надо, для меня главное дело — результат». Я ему говорю: «Слушай, сделай

для меня доброе дело — пусть назначит, я со своим прежним курсом сравню. Потому что в эту больницу через очереди хрен пробьешься». Следователь говорит: «Не вопрос». Дождался, сфотографировал рецепт, скинул фото моей жене на телефон. А когда приехали в Следственный комитет, еще и йогурта мне купил на свои деньги! Мамедов Дмитрий его зовут. Хороший в принципе парень.

От звонка до звонка

После больницы у меня был еще один допрос в СК, третий за два дня. Он закончился где-то в 17 часов. А двое суток, на которые имели право меня задержать, истекали в 20 часов.

Я уже понимал, что меня отпустят. Потому что мне прямым текстом сказали: «Домой сейчас поедешь». И я уже на таком расслабоне сидел, улыбался. А тут старший следак говорит: «Нехер! Везите его опять досиживать. От звонка до звонка». И они вызвали «бобик», чтобы отвезти меня на три часа в изолятор.

Прощался я с ними уже как с родными. Тем более у меня сигареты закончились. Я попросил у Мамедова, он протянул одну. Я говорю: «Нет, одну сигаретку ты оставь себе, а пачку отдай мне. Потому что мне еще три часа сидеть». Он такой: «Ну ладно, хорошо». И отдал мне половину пачки.

Приехали опять в ИВС. Эти три часа длились для меня вечность. Хоть бы часы там повесили, потому что без времени вообще тяжело. Все время думал о семье, очень хотелось всех увидеть. Особенно сильно по Савке скучал, младшему сыну, ему всего три.

Я ждал, что где-то в 20 часов в тюрьму приедет жена и встретит меня на выходе. Но вместо нее приехал следователь Голушко, говорит: «Поехали опять в Следственный комитет, еще раз пообщаемся». И мы с ним опять общались до полуночи — про то же самое.

Возвращение домой

По итогу мне дали подписку о невыезде и сказали, что надо явиться на повторный допрос в пятницу, 7 октября. В пятницу я приехал и узнал, что все перенеслось на понедельник. А в понедельник, часа за два до назначенного времени, звонит Голушко: «Приезжать не надо, дело в Москву отправили».

Я все равно поехал, чтобы какую-то конкретику получить. Потому что у меня тоже работа: иногда надо покойников в Нижний Новгород на кремацию возить, в Пензе ведь своего крематория нету. А у меня подписка.

Заходим с женой в здание СК, нам говорят, что Голушко нет. Типа уехал на какое-то важное задание. А у него кабинет на первом этаже. И мы через окно видим, что он в кабинете сидит. Жена звонит ему со своего номера, он видит, что это она, и скидывает.

Тут выходит старший следователь, Рустам Усманович. Я к нему:

— Можно вас на минуточку?

— Мне некогда.

Прыг в машину, и уехал. Со мной даже никто не стал разговаривать. Полный игнор. Видимо, дело начало разваливаться, и они просто не знали, что мне ответить.

Максима Моисеева обвиняли в нарушении части 1 статьи 328 УК. По версии Зареченского межрайонного отдела СК по Пензенской области, у него «возник умысел, направленный на уклонение от прохождения военной службы», хотя он не имел на это «уважительных причин и оснований». Моисееву грозило до двух лет лишения свободы.
6 октября прокуратура Пензенской области отменила постановление о возбуждении дела, а 1 ноября Максим Моисеев получил официальную бумагу об отказе в возбуждении дела из СК. Ведомство пришло к выводу, что в его действиях отсутствует состав преступления, и разъяснило ему право требовать компенсацию морального ущерба за два дня, проведенные в изоляторе временного содержания.
По словам адвоката Александра Федулова, у обвинения против Максима Моисеева изначально не было никаких перспектив: постановление пленума Верховного суда однозначно указывает, что субъектами преступления по этой статье являются граждане в возрасте от 18 до 27 лет,

которые уклоняются от прохождения военной службы и не зачислены в запас. Моисеев этим критериям не соответствовал: на момент задержания ему было 32 года, он прошел срочную службу еще в 2009 году и тогда же был зачислен в запас.

Про то, что супруга устроила такую огласку и на весь мир меня прославила, я узнал только после выхода на свободу. До этого следователи уверяли меня только в том, что я сяду. И я думал: «Ну все. Приехал. Доигрался». А когда вышел в 12 ночи, оказалось, что все по-другому.

Конечно, жизнь разделилась на до и после. Обнялся с женой, почти расплакался. Слезинку пустил. Домой очень спешил — дома дети, радость. После этой истории семья еще крепче стала. Я понял, что жена меня очень сильно любит и очень ценит.

Теща то же самое говорит: «Сынка, я тебя никогда никому в жизни в обиду не отдам». Они вдвоем отбивали меня от омоновцев в бане. Снимали задержание на телефон, и потом эти видео разлетелись по интернету.

Так я вернулся домой. Копаю могилы дальше.

Ребята из Кондоля, которых призывали вместе со мной, уехали к местам боевых действий 20 октября. Я тоже приезжал провожать их поезд. Постояли, поговорили. В глазах у некоторых я видел, может быть, какое-то осуждение, но они все равно на позитиве уезжали. Это все равно выбор каждого.

Редактор: Мария Климова

1. В повестке был указан 1988 год рождения, хотя Моисеев родился в 1990 году.

2. Деревня Ахлебиновка в 60 км от Пензы, где находится дом тещи Моисеева.

3. Зареченский межрайонный следственный отдел управления СК по Пензенской области.

4. Зонд для гастроскопии желудка.